

***Посвящается моему папе,
чья вера в справедливость
вдохновила меня на этот роман***

Все события, имена и характеры в этой книге вымышленные. Автору неизвестны реальные прототипы героев, организаций и исследований, указанных в романе. Любое совпадение с реальными людьми и обстоятельствами является совершенно случайным.

Во всех важных происшествиях жизни продолжают действовать два основных инстинкта нашего существа: инстинкт самосохранения и инстинкт любви.

Поль Шарль Жозеф Бурже

Глава 1

ПЛАН

Планы на жизнь рушатся всегда неожиданно. Но порой они не просто рушатся, а обрываются на недопетой ноте, оставляя разочарования и вопросы. Она умирала. Евгения Ладынина, молодая, цветущая женщина, умирала. И ей было нестерпимо жаль себя. Только-только начала жить, можно сказать, добилась чего-то — и вот тебе! Смерть уже совсем близко. Белый мерцающий свет. Интересно, это уже по ту сторону мира или еще по эту? Свет становился все ярче и резче, и вот уже различимы лица. Кто они, эти люди в белом? Они ждут

ее, чтобы помочь встретиться с неизвестностью? Она готова. Да, готова. Так и подошла к концу ее такая яркая, но, по сути, полная незавершенных поступков жизнь! По крайней мере, ей самой казалось, что это именно то, что с ней происходит. Возможно, и даже вероятнее всего, врачи так вовсе не думали. Наверное, поэтому они так широко улыбались, окружив ее больничную койку.

— Красавица! — произнес один из них, скрестив руки на груди.

«Прекрасен лик твой перед лицом смерти», — вспомнила Женька невесть откуда взятые строки.

— Ничего, пара недель — и следов не останется, — заметил другой, бесцеремонно дотрагиваясь до ее лица.

«От кого следов не останется? — подумала Женька. — Уж не от меня ли?»

— Ну, как самочувствие? Испугали вы нас, барышня. Мы к вам с распростертыми объятиями, а вы — хлопок в обморок. Нельзя же так! Даже наркоз не успели ввести, как вы уже отключились.

Какой обморок? Какие объятия? О чем они говорят? Женя переводила взгляд с одного лица на другое, они расплывались в лучах света, и никак не удавалось сконцентрироваться и разглядеть их.

— Я жива? — пролепетала она, ощущая язык как нечто чужеродное во рту.

— Жива, конечно! Ну и вопросик. А мы кто, по-вашему? Ангелы в белых халатах? Нет, не надо нас так быстро на тот свет отправлять. Мы еще жить хотим, в отличие от некоторых невнимательных водителей.

— Ну, ты нашел время для лекции, Кириллыч, — укоризненно вставил тот, который назвал ее красавицей. — Тем более за рулем не она была.

— Ничего, никогда не вредно. А то барышня помирать собралась, и это после всех наших усилий! Барышня! Просыпаться пора, все позади, можно даже встать.

«Тоже мне, нашли барышню!» — усмехнулась Женя про себя. Маленькая собачка всегда щенком кажется. Женя имела честь служить живым доказательством народной мудрости. Невысокого роста, с довольно хрупким телосложением, имея тридцать семь лет в послужном списке жизни, она никогда не испытывала душевных терзаний по поводу вопроса о возрасте. Напротив, забавляла реакция людей, когда она гордо сообщала, сколько ей лет, и пристально смотрела в глаза себе-седнику — а ну-ка, попробуй не вырази изумления! Справедливости ради надо отметить, что даже если бы Женя выглядела старше, то все равно не омрачала бы свою жизнь переживаниями из-за такой ерунды. В ее жизни хватало места чему угодно, но никак не подобным «пунктикам».

— Так что, попробуем пошевелиться или так и будем лежать в образе статуи?

Врач, величавший ее барышней, протянул руку, предлагая подняться с постели. Женя покосилась на повязку на своей руке. Сумбур в голове постепенно проходил цикл обратного развития, и вот это уже не сумбур, а отдельные зернышки вполне ясных мыслей. И утро вспомнилось, бешеное, как обычно, заполненное делами и заботами, и билет Москва — Франкфурт — Банжол и обратно, выкупленный и притаившийся теперь в сумке между страницами ежедневника, и покупки для поездки в Африку.

И еще вспомнился урод с родовой травмой головы, отразившейся на его умении водить машину. Он умудрился врезаться у светофора в такси с Женькой так, что оно резко подалось вперед и с силой въехало в стоящий впереди автомобиль.

Женька, сидевшая сзади, притормозила о спинку переднего сиденья, неловко так, стало очень больно. Плечо словно про-ткнули, так что рукой невозможно было даже двинуть. Рука странно торчала в приподнятом положении, и любая попытка опустить ее сопровождалась нестерпимой болью. Лицо тоже пострадало. Казалось, все осколки стекла одновременно впи-лись в ее кожу.

Вспомнилось, как в больнице ее встретили врачи, завезли на каталке в светлый кабинет, обработали ранки на лице, от-крывали ее веки, неприятно светили туда фонариком, ощупы-вали все тело. Она чувствовала себя куклой, набитой ватой и болью. А потом кто-то из них потянул ее за руку — тут-то она и отключилась. Еще бы! От такой боли можно и умереть, не то что сознание потерять.

Здоровой рукой она пощупала повязку. Не гипс. Слава богу, значит, не перелом. И вообще — она жива! Прямо чудо какое-то. Отныне будет пристегиваться даже на заднем сиде-нье автомобиля. Раньше и за рулем не беспокоилась о такой мелочи, теперь будет наукой. Таксист, бедолага, наверняка совсем плох.

— Что с таксистом?

— Пара переломов, сотрясение, но в общем отделался довольно легко. Могло быть и хуже.

— А со мной что?

— Заботливая, — улыбнулся Кириллыч. — О себе вто-рым вопросом спрашиваете.

Женя криво улыбнулась. Иногда просто непостижимо, почему люди удивляются элементарным вещам.

— А с вами, барышня, ничего страшного. Вывих плеча мы вам вправили, порезы от стекла неглубокие. Жаль, что ру-ка повреждена именно правая, письма любимому пока писать не сможете.

- Я левша, как-нибудь справлюсь.
- Ну, тогда вообще никаких проблем!
- Спасибо.

Женя произнесла это не очень уверенно, хотя, конечно, была благодарна врачам.

— И сколько мне теперь с этой повязкой валандаться?

— Недельки три-четыре, будем наблюдать. За рукой вам, милая барышня, теперь следить придется — полный покой, никаких нагрузок.

— А я через два дня улетаю... — Женька запнулась. Вопросительно посмотрела на врача. — Мне ведь можно?

Тот всплеснул руками и окатил ее таким взглядом, что она вся скукожилась на койке от ощущения собственной неполноценности.

— Забудьте, барышня! Все поездки отменяются! Хотите, чтобы ваш вывих превратился в привычный и при любой нагрузке на руку плечо начало выскакивать из сустава? А нарушение режима приведет именно к этому. К тому же вам понадобится физиотерапия, реабилитация после снятия повязки, а вы как думали?

Женя ничего не думала. Она не могла поверить, что именно с ней произошло именно это и именно сейчас. Но все это можно пережить, а лететь в Африку надо было просто позарез! Там лежал в госпитале ее брат, Андрей, там, в чужой семье, находился ее четырехлетний племянник Глеб, только что потерявший мать. Обоих надо было срочно оттуда вывозить. Ну как, как объяснить этому широко улыбающемуся доктору, что плевать ей и на плечо, и на физиотерапию, что ей надо лететь — и точка? Кириллыч словно уловил ее мысли и, сделав серьезное лицо, повторил:

— Никаких поездок. Я не шучу. Иначе потом придется плечевой сустав оперировать — привинчивать штырем, фик-

сировать, вам это надо? Не думаю. Любое неосторожное движение — и эффект повязки пойдет насмарку. Не верите мне — спросите любого другого врача.

Ладынина ему верила. И чем больше верила, тем больше хотелось плакать от бессилия. Отец сейчас невыездной — проверки налоговой посадили его под «колпак» и пресекли всякие передвижения вне родного Питера. Маму с ее впечатлительностью и приступами стенокардии только в такие поездки и отправляют. Правду говорят: пришла беда — отворяй ворота. С таким трудом успела вовремя все визы оформить, даже Киру, невестку бывшую, пришлось подключить, и вот надо же — что теперь делать? Бог с ними, потраченными деньгами, с временем и нервами, все это дело наживное и поправимое, а вот кто Андрея вывезет — большой вопрос, и решать его надо в самое ближайшее время.

То, что Андрею она сейчас необходима, не вызывало сомнений. Близнецы всегда по-особому чувствуют друг друга. Женя знала, что ему тяжело. Как и он всегда ощущал ее черные моменты и старался оказаться рядом, поддержать, вытащить из темной полосы в светлую. Даже родители не могли предположить в детстве, что такие разные по внешности и характеру двойняшки окажутся настолько близки по духу. Рыжеволосая веснушчатая Женька-пигалица, кареглазая анархистка и бунтарка, и ее брат — дипломат, высокий блондин с ясными голубыми глазами, сдержанный и благоразумный, всегда удивляли разными стремлениями в жизни и разными путями к достижению целей.

Женя шла наперекор семейным традициям, желаниям родителей, брала то, что хотела, пробовала все, что возможно, пока не нашла себя в фотожурналистике. Добилась признания, славы и возможности жить, не поступаясь своими принципами и при этом находясь в комфорте и согласии с самой

собой. Андрей, в прошлом успешный дипломат и образец для подражания в том обществе, где обитали Ладынины, два года назад умудрился всех шокировать. На пороге получения «лакомого» поста в одном из посольств он вдруг решил бросить Киру, свою красавицу и умницу жену, приложившую немало усилий к его карьерному росту, и сбежал с вихреобразной Кристиной Кристаллинской в Африку. Сбежал, зараженный ее идеями борьбы с несправедливостью и помощи нуждающимся. Сбежал вслед за ветром свободы.

Много воды утекло с тех пор, и Женя, которая открыто недолюбливала Киру во времена их брака с Андреем, вдруг сдружилась с ней, неожиданно обнаружив в бывшей невестке множество перемен. Они даже стали подругами, вместе организовали проект помощи детям-инвалидам, создающим изумительные картины. Когда Андрей слышал об этом, то верил с трудом. Это было что-то новенькое, совершенно не совпадающее с образами из его прошлой, доафриканской, жизни. Казалось, после сильных и болезненных встрясок жизнь налаживается.

Они развелись с Кирой без скандалов, без истерик. Кира, казалось, мудро восприняла ситуацию, согласившись, что у Андрея не было сил продолжать жить так, как раньше. Он стремился к другому, и воплощение своих устремлений нашел в Кристине. Кира тогда казалась ему символом той самой жизни, от которой он бежал, — слишком правильной, зажатой в рамках условностей. Они разбежались, и каждый пошел своим путем.

Андрей и Кристина поначалу жили в Сьерра-Леоне, потом переехали в Гамбию, где Андрей преподавал в университете и был счастлив своей новой жизнью и тем, что наконец ощущал себя полезным. Кира же, поработав в МИДе, затем нашла себя в деятельности куратора детей-инвалидов и ме-

неджера успешной консалтинговой фирмы. Говорили, что она собирается замуж за Алекса Гурова, талантливого молодого дизайнера, моложе ее лет на шесть или семь. Сама Кира слухи не опровергала, но и не подтверждала.

— Жизнь покажет, — сказала она как-то Жене. — Одно я знаю точно — такими чувствами не разбрасываются.

У Жени было большое подозрение, что под «такими чувствами» Кира имела в виду скорее чувства Алекса, а не свои, но о таких личных вещах она предпочитала бывшую невестку не спрашивать.

Казалось, что у всех жизнь потекла по спокойному широкому руслу, миновав подводные камни, ямы и другие препятствия. Но опытный моряк знает, что затишье опасно и вскоре может разразиться гроза. И она разразилась. В далекой Гамбии. Унесла с собой жизнь Кристины, швырнула Андрея в госпиталь с ограниченными медицинскими возможностями, откуда Женя и задалась целью вывезти его как можно скорее. Кира, воспользовавшись своими дипломатическими связями, сделала Жене все необходимые визы, Женя купила билеты и... оказалась на больничной койке в окружении дружелюбных улыбчивых врачей, совершенно ничего не понимающих в трагичности ее ситуации.

— Я могу ехать домой? — спросила она.

В глазах ее стояла такая безнадежность, как будто ее собирались приковать к постели на целое столетие.

— Да почему же нет, езжайте! Только не забывайте к нам заглядывать время от времени и показывать свое плечо, а то что-то мне подсказывает, что доверять вам покой плеча — дело рискованное, требует дополнительного контроля.

Женя изобразила подобие улыбки и поплелась к выходу.

— Подождите, сейчас выпишу вам рекомендации, чтобы не забыли.

Кириллыч исчез в дверях, а Женя уныло уставилась в одну точку, размышляя о несправедливости бытия.

— Боже мой, Женя, да ты же погибнуть могла!

Мама, как и ожидалось, приняла известие настолько близко к сердцу, насколько это было возможно.

— Только подумай, ты же была на волосок от смерти! Ужас какой! Как ты сейчас? Может, мне приехать? Помочь? Тебе же запрещена нагрузка на руку.

— Уж как-нибудь одной рукой смогу включить чайник и согреть еду в микроволновке. Лучше поговори с папой, что делать теперь. Надо решать, как Андрея вывозить.

Мама всхлипнула.

— Что-то нас неприятности не оставляют, то одно, то другое. Прямо беда за бедой.

Женя сжала губы. Мама права. Сначала у отца начались проверки на работе, все рыщут, рыщут, ничего найти не могут, но нервы терзают изрядно. Потом трагедия у Андрея, теперь сама Женя. Впрочем, она-то легко отделалась.

— Ладно, — вздохнула мама, — как-нибудь выберемся из этого, как-нибудь выберемся. Лишь бы все были живы и здоровы...

— Да, мам, ты только не волнуйся, тебе нельзя. Слышишь, не волнуйся. Я что-нибудь придумаю.

Повесив трубку, Женя плюхнулась на диван и обхватила голову руками. Что-то и вправду к семье Ладыниных в последнее время неприятности так и липнут. Ведь она сегодня вполне могла остаться навсегда в том треклятом такси с раз-

битой головой. И Андрей мог погибнуть вместе с Кристиной на том треклятом катере, что сломался посреди открытого океана. У мамы недавно был такой сильный приступ стенокардии, что еле откачали. Что-то очень уж близко госпожа Смерть подходит к ним, Ладыниным, прикасаясь холодными пальчиками, и, поугав, отпускает. А вот Кристину с собой забрала.

Женя успела узнать Кристину больше, чем остальные Ладынины, не считая, конечно, самого Андрюхи. Андрей познакомился с ней во время командировки в Папуа — Новую Гвинею, где как представитель МИДа сражался за ее свободу с бюрократическими махинами закулисной политики. После этого Кристина написала статью о политике России и Австралии в Тихоокеанском регионе. С Кристины станется — язык у нее что нож, и правдолюбия не занимать. Андрей тогда чуть с работы не вылетел — все думали, что именно он снабдил ее секретными данными. Закончилось все благополучно, только Андрей тогда твердо решил, что политикой, которой посвятил столько лет и сил, больше заниматься не хочет. Как и жить прежней жизнью.

Знакомство Жени с Кристиной сыграло не последнюю роль в этой истории. Неприятности Андрея свели двух молодых женщин именно в тот момент, когда звезды решали судьбы как Андрея с Киной, так и Кристины с ее мужем. Быстрое сближение Жени и Кристины было закономерным — обе прямодушные, независимые, у обеих в крови — неприятие рутинной жизни и шаблонных решений. Женя к тому времени уже приобрела известность и признание публики, имела за плечами международные фотовыставки. Кристина занималась благотворительностью, работой в гуманитарных организациях и независимой журналистикой. Они почувствовали друг в друге родственные души.

Женька не хотела разрушать брак Андрея и Киры, но не-

вольно способствовала этому — так случилось, что именно она первой узнала, кто является настоящим отцом Глеба, сына Кристины. И именно она приняла решение, вопреки воле Кристины, рассказать обо всем брату. Кристина не хотела разрушать брак Андрея, не хотела навязывать ему отцовство, которое он не планировал. Но Женька рассудила, что скрыть такую информацию — нечестно по отношению к Андрюхе, тем более к тому времени она знала, что его брак и так уже близок к своему логическому завершению. После этого у Андрея, похоже, не осталось сомнений в том, что делать дальше. Он развелся с Кирой, уехал вслед за Кристиной и стал жить в Африке, утверждая, что наконец-то счастлив. Женя с тех пор редко виделась с Кристиной, общаясь в основном по телефону и в чате, но все равно успела привязаться к ней, как к близкой родственнице и подруге.

А теперь ее нет. И жизнь кажется странной и страшной. Впервые Жене стало страшно. За себя, за то, что жизнь, оказывается, может оборваться вот так неожиданно. И никто от этого не застрахован. Женя подумала о том, что Кристина немало успела в своей жизни. Помогла многим нуждающимся, родила сына, встретила свою любовь. А что она, Женя? Да, нашла Дело Своей Жизни, да, стала профессионалом, добилась признания. Но когда тебе тридцать семь и ты чуть не умерла, этого кажется мало. Слишком мало. Невыносимо мало.

Женя потянулась к сумке на полу и вытащила карманный компьютер. Кликнула на страничку ежедневника и написала:

«Я, Ладынина Евгения, пока жива и дееспособна, хочу успеть сделать следующее:

Пункт первый. Выслать кого-нибудь за Андреем, и как можно скорее. Помочь ему восстановиться».

Тут она остановилась и задумалась. Пункт важный, но надо бы и более глобальные вещи включить.

«Пункт второй. Влюбиться. С большой буквы. Чтобы дух захватывало от счастья».

Такие вещи по заказу не случаются. Но можно хотя бы попытаться настроиться на любовь. Причем постараться забыть обо всех неудачных опытах прошлого и начать с чистого листа. Ведь это должна быть настоящая, с большой буквы Любовь! Тогда можно будет считать прошлые романы тренировкой перед большим чувством. А на тренировках разрешается падать и расшибать коленки.

«Пункт третий. Повидать новые страны. Посетить необычные места. Открыть для себя новые миры».

Она и так немало поездила в своей жизни. Но оставалось еще столько неизведанного, сулящего умопомрачительные открытия, что флажки на глобусе можно расставлять еще очень долго и так и не успеть утолить голод стопроцентно.

«Пункт четвертый. Оказать людям реальную, осязаемую помощь. Чтобы было не стыдно за прожитые годы. Мелкие подачки типа взносов в благотворительные фонды не считаются».

Хорошее уточнение. Именно так — конкретную помощь конкретным людям, чтобы видеть результат своими глазами.

Женя с сомнением посмотрела на список. Пункты, в принципе, можно менять местами. Важность каждого можно варьировать в зависимости от путей воплощения в реаль-

ность. Еще один пункт вертелся в голове, но она не знала, имеет ли право вносить его в качестве пункта, или это относится к вещам, курируют которые совсем другие инстанции. И все же написала:

«Пункт пятый. Родить ребенка. Желательно от любимого человека».

Теперь, кажется, все. Все самое главное включено. Неосторожным нажатием на кнопку Женя переключила компьютер на другую программу — и стерла предыдущие записи. Чертыхнувшись, вернулась на страничку ежедневника. Восстановить запись полностью было лень. Но список стоило все же сохранить, чтобы через несколько лет вернуться к нему. Она вновь набросала, только на этот раз вкратце:

«Ближайшие планы на необозримое будущее:

1. Андрей.
2. Любовь.
3. Путешествия.
4. Помощь.
5. Ребенок».

Коротко и ясно. Оказывается, планирование своей жизни не такое уж нудное занятие, как может показаться. Даже если нет никакой надежды, что она выполнит больше, чем один пункт из этого списка, все равно приятно осознавать, что он есть, такой вот набор желаний. Будет что включить в письмо Деду Морозу на Новый год. А кто сказал, что желания существуют исключительно ради исполнения? Важен процесс. Загадать. Надеяться. Ждать.

Глава 2

АНДРЕЙ

Кира заваривала кофе на кухне, когда услышала, что наверху, в спальне, зазвонил ее мобильный телефон. Бежать наверх не было никакого желания.

— Алекс, узнай, кто там звонит, пожалуйста! — крикнула она, заправляя кофеварку.

Кира расставила на подносе чашечки, сахарницу и подогретое молоко, посмотрела в окно и потянулась, ожидая, пока кофеварка запыхтит дымящимся ароматом. Из окна открывался вид на лужайку перед домом и высокую сосну у калитки. Сосна эта обещала войти в семейные легенды, ведь именно благодаря ей Кира и купила этот дом.

Увидев во сне дом своей мечты с сосной у входа, она уже не смогла ничего с собой поделаться, кроме как найти такой и приобрести. Кира Доронина была не из тех, кто бросает что-то на полпути и отказывается от своих планов. Она не просто купила этот дом, но и умудрилась, приводя его в божеский вид, встретиться с Алексом Гуровым, дизайнером интерьера, который украсил ей не только дом, но и жизнь, став ее неотъемлемой частью.

Они жили вместе несколько месяцев, строили планы на будущее, но Кира все никак не соглашалась узаконить их отношения, несмотря на его настойчивость. И не только из-за разницы в возрасте. Счастливых браков, где жена старше мужа, сколько угодно. Причина была в самой Кире. Именно сама с собой она никак не могла разобраться. Вроде все шло в жизни хорошо: и работа нравилась, и рядом был человек, который в ней просто растворялся, — но все же что-то свербело, не давая расслабиться. На днях она даже пообещала Алексу родить ребенка в ближайшем будущем, но мало ли что можно

пообещать на волне эмоций. Хотя с Алекса станется — поймает на слове, не отвертись.

Разлив кофе по чашечкам, Кира поднялась с подносом в спальню и поставила его перед Алексом.

— Кто звонил?

— Женя. Просила передать, что попала в аварию, вывихнула плечо и теперь парализована повязкой и запретом врачей на путешествия.

— Что?

Кира охнула и чуть не опрокинула поднос.

— Почему она сообщает об этом тебе? — поинтересовался Алекс.

— Потому что это значит, что теперь она не сможет поехать к брату. А его и ребенка надо срочно вывозить.

— То есть твоего бывшего мужа теперь кому-то надо вывезти из Африки?

— Вместе с ребенком, — зачем-то еще раз повторила Кира, словно этот факт мог что-то оправдать.

Алекс и Кира смотрели друг другу в глаза и не решались произнести то, что думали. Оба знали, что происходит в ее голове. И оба знали, что если Кира что-то задумает, ее не переубедишь.

Алекс недолюбливал Женю. Она была для него связующей ниточкой между настоящим Киры и ее прошлым, в котором остались любимый некогда муж и развод. А Алекс хотел удержать Киру в настоящем, где есть только он, Гуров, и она, где они могут строить планы на будущее, без воспоминаний о всяких там бывших мужьях. Он знал, как глупо это выглядит, знал, что Кира не давала никаких поводов для ревности, и все же не мог ничего с собой поделать. Когда недавно Женя сообщила, что у Андрея погибла жена и его надо привезти в Москву на лечение, Алекс раскопал в себе не просто неприязнь к

Жене, но и реальный страх, что, если бывшая любовь Киры окажется в зоне досягаемости, это может как-то повлиять на их отношения.

Если бы Кира узнала о его страхах, она бы громко рассмеялась. В одну реку не войдешь дважды. Ее отношение к Андрею претерпело разные стадии: любовь, злость, обиду, ненависть, тихую боль, — и теперь наступила стадия спокойного отношения, как к давнишнему знакомому, с которым разошлись пути, и ничего не поделаешь.

Кире было жаль Кристину, и Андрея было жаль, никому такого не пожелаешь. Она с удовольствием помогла Жене сделать все необходимые визы для поездки в Гамбию и рада была оказаться полезной. Сделать визы не составило большого труда — еще недавно она работала в МИДе, хотя в последнее время взяла длительный отпуск за свой счет и занималась больше консалтинговой фирмой. Основателем и патроном фирмы являлся Зелотов, бывший начальник Андрея, еще во времена его работы в МИДе. Когда-то Кира, дочь дипломата, экономист, искренне готова была стать домохозяйкой и посвятить всю свою жизнь поддержке дипломатической карьеры Андрея, а вышло все совсем не так. Если жизнь смогла так круто измениться за каких-то два года, чего от нее ожидать в будущем? Трудно даже вообразить. Ведь никто не мог предположить, что Женька попадет в аварию и все ее планы полетят в тартарары!

— Надо перезвонить.

Кира потянулась к телефону через всю кровать. Извиняющиеся интонации в голосе возникли совершенно некстати. Сколько бы она ни извинялась, Алекс все равно не поймет. Да и никто бы не понял. Этот факт омрачал, но не отменял Кирино решение, которое было пока в зачатке, но уже ясно —

оно есть, оно крепнет, и ему нужна лишь небольшая подпитка, чтобы расцвести буйным цветом.

— Женья, это я. Что там у тебя стряслось? Что с рукой?

Женька была права. Знала, к кому обратиться. Кто же еще, как не Кира, сможет перекупить Женькины билеты и срочно выехать в Гамбию? Кто, как не Кира, имеющая дипломатический паспорт и не нуждающаяся в предварительной визе для въезда в Гамбию? С таким паспортом визу можно получить прямо в аэропорту. Женька все учла. Кроме нелепости самой ситуации, что просит поехать за братом его бывшую жену, от которой он сбежал.

Когда Кира закончила разговор, Алекса в комнате уже не было. Он курил во дворе, и его тело было похоже на натянутую до предела струну.

— Алекс, я не могу по-другому.

Он пожал плечами.

— Македонский, ну пойми, это будет просто бесчеловечно, если я откажусь.

Она его прозвала так с самого начала знакомства. Уж очень он соответствовал образу прекрасного Александра Македонского, существовавшему в ее голове со времен чтения «Таис Афинской» Ефремова. Такой же высокий блондин, такие же голубые глаза. Изящный эстет с упрямым характером и бурлящими эмоциями.

— Я понимаю, — произнес он, не вынимая сигареты и не глядя на нее.

— Нет, не понимаешь. Ты думаешь, что я руководствуюсь другими мотивами.

— А какими мотивами ты руководишься?

— Обычным человеческим состраданием. Человек в беде. У него там ребенок. Во всей округе — ни одной нормаль-

ной больницы, возможны осложнения. Да всякое может случиться в такой глуши! Мы не можем его там бросить.

— Кто мы?

— Ну, я, Женя...

— Женя не едет, как я понял.

— Да, но ведь не по своей воле. Думаешь, она специально подстроила себе вывих плеча, чтобы не ехать и послать меня?

— Думаю, она могла попросить кого угодно, если бы хоть на секунду засомневалась в твоём решении. Она знала, что ты с радостью ухватишься за эту возможность...

Он прервался и словно раздумал продолжать. Махнул рукой и сделал очередную затяжку.

— Ну, говори. Возможность чего? Поехать за Андреем? Македонский, ты что, ревнуешь? Ревнуешь меня к моему бывшему мужу? Ты что, думаешь, я героиня мексиканского сериала?

— Кира, можешь оставить все эти шутки и банальности. Факт тот, что ты хочешь ехать. И я сильно сомневаюсь, что ты сделала бы это для любого другого.

— Конечно, нет. Не для любого. Но для бывшего родственника, можно сказать, сделаю. И ты бы сделал.

— Ладно, хочешь поиграть в благородство — поиграй. Я тебе не указ. Авантюризм на почве непонятно чего — это что-то новенькое, и я умываю руки. И вообще, что это я тут разговорился? Разве ты меня когда-нибудь слушала?

Алекс развернулся и ушел в дом. Кира, скомкав все гневные слова, готовые сорваться с языка, пошла за ним. Все равно она поедет, но не хотелось бы ссориться с Алексом. Она ведь намерена вернуться как можно скорее, и вернуться к нему. К тому же здесь довольно много дел, которые не оставишь надолго. Зря Алекс дуется! И ревность его совершенно на-

прасна и даже смешна. Нашел к кому ревновать! Она же не мазохистка, чтобы наступать вновь на те же грабли. Андрей—мужчина остался в прошлом, Андрей—друг имел право на существование в настоящем. Кира не страдала склонностью к авантюризму, напротив, еще с ранней молодости ее любили обвинять в излишнем перфекционизме — желании все упорядочить, сделать все идеально правильно. Когда-то это стало одним из пунктов непонимания между нею и Андреем. Оказалось, что ему это вовсе не нужно, и чересчур правильная Кира не нужна, а нужна стремительная в своей спонтанности женщина, без страха плывущая против течения.

Однако с тех пор прошло больше двух лет. Жизнь с Алексом смягчила Киру, научила проще относиться к жизни, получать удовольствие без поиска на то логических оснований и даже совершать поступки, которые не вписывались в рамки условностей. Но все равно никто не смог бы сказать про Доронину Киру Викторовну, что это человек спонтанных эмоций. Если Алекс думает, что она захотела поехать за Андреем по причине неожиданно возвратившихся чувств, то он ошибается. Причина как раз в стремлении Киры совершать правильные поступки. Помочь Андрею казалось таким же правильным и естественным, как помогать детям в интернате. Кира понимала, что со стороны выглядит это все немного двусмысленно, но для нее самой в этом не было никакой подоплеки.

— Я обещаю звонить из каждого аэропорта и каждой гостиницы, обещаю слать нежные письма, если найду Интернет, и обещаю каждый день думать о тебе и том, как крепко ты меня поцелуешь по возвращении.

Эти слова тонули в гуле голосов пассажиров в аэропорту Шереметьево. Кира прощалась с Алексом, смирившимся с

ситуацией, и получала последние инструкции от Жени. Женька, убедившись, что ее присутствие уже лишнее, тактично отошла в сторонку, поглядывая на Алекса. «Наверное, он меня сейчас ненавидит, — подумала она, — и готов придушить». И была недалеко от истины. Впрочем, это решение Киры, в конце концов, она могла отказаться, взрослая женщина, самостоятельная. Так что зря Алекс так демонстративно холоден, со своей любимой пусть отношения выясняет!

Женька так рассуждала, пытаясь защититься от чувства неловкости. Все же неудобно было обращаться именно к Кире. Андрей обидел ее, и обидел сильно. Любая другая послала бы Женьку подальше и отказалась даже разговаривать на эту тему. Женька уже давно признала, что недооценивала бывшую невестку, но сейчас ее прямо-таки распирало от чувства благодарности.

Алекс изобразил улыбку и поцеловал Киру, отпустив ее руку. Она помахала и растворилась в толпе пассажиров. Алекс сухо попрощался с Женькой и быстрым шагом направился к такси. Женька пожала плечами и засунула руку в карман драпового пиджака, накинутого поверх повязки. Ветер задувал за воротник, было довольно зябко и противно. Еще несколько дней — и она будет встречать своего брата и племянника. Потом будет приводить Андрея в нормальное состояние. А потом... Загадывать так далеко не стоило. «Удачной тебе поездки, Кира! — подумала она, ежась от ветра. — Привези моих мальчишек живыми и невредимыми».

* * *

О том, что Кристина погибла, Андрей узнал не сразу. Трудно даже сказать определенно, когда именно его сознание согласилось узнать, что она умерла. Прележав несколько дней в коме, он сначала вообще не знал, что произошло и на-

сколько он сам близок к смерти. Океан и жара. Главные виновники трагедии. Кристина, всегда старавшаяся быть ближе к природе, не смогла противостоять ее жестоким законам.

Все началось совершенно безоблачно. Они арендовали небольшой катер на пристани близ рыбной фабрики «Лье Фиш», недалеко от въезда в центр Банжула. Выехали с двумя пареньками из яхт-клуба, хотели через устье реки Гамбия выплыть в море. Обычно лодки возили туристов вверх по реке, откуда можно увидеть город, а в одном из узких ответвлений — остановиться и искупаться в окружении мангровых деревьев, которые росли прямо из воды, пуская длинные корни вглубь, на дно. Во время отлива корни оголялись, и на них белели многочисленные устрицы, нанизанные слоями, словно бусы. Можно было доплыть до отеля «Ламин» и пообедать там креветками на гриле, или до порта в Банжуле и перебраться на другой берег, откуда рукой подать до Сенегала.

Банжул располагается в области впадения реки в Атлантический океан, а потому река в этом месте уже и не река, а нечто смешанное. Вода — соленая, рыба — морская, течение — тоже как в море. Но все равно не океан, размах не тот.

А Кристина любила море. Она обожала волны, отражение солнца на воде, синий простор, бескрайний, создающий ощущение, что ты на совершенно другой планете, где нет нищеты, убогости, страданий, а только безграничная завораживающая красота. Она скучала по лазурному Коралловому морю, у берегов которого провела немало лет, когда жила в Папуа — Новой Гвинее. Бывший муж, Глеб, очень часто брал ее с собой в море, море приручило ее, загипнотизировало, навсегда влюбило в себя. Атлантический океан был совершенно другим, суровым, серо-синим, вода смешивалась с песком, который волны щедро черпали со дна, и становилась мутной,

скрывая в непроницаемой глубине свои богатства. Рыбы поднимались на поверхность, серебристым покровом мелькая под солнцем. Опытные рыбаки различали мерцание рыбьей чешуи издали, некоторые даже не выходили в океан, а стояли по колено в воде у берега и выжидали, когда волна засебрежится. Тут-то они и накидывали на серебряные ленты свои огромные сети и вытаскивали на берег с десятков рыбин мелкого и среднего калибра.

Кристина поначалу с осторожностью относилась к новому океану, даже сыну не разрешала купаться, — а потом привыкла, расслабилась, не было ни одного выходного, чтобы они не выехали искупаться и покататься на волнах. Андрей тоже приобщился к морской любви, возможно, больше из-за того, что Кристина так беззаветно любила море, но и сам он получал огромное удовольствие.

Глеба они с собой в тот раз на катер не взяли, он оставался ночевать у их друзей, с сыном которых дружил. Там как раз устраивали детский праздник, и Андрей с Кристиной решили, что не будут отрывать малыша от компании и устроят себе отдых вдвоем, наедине. Конечно, назвать это «наедине» было преувеличением, ведь на катере находились еще два человека — Ибра и Ассан, управлявшие судном. Но они большую часть пути молчали и если и переговаривались, так больше между собой. Катер был старенькой одномоторной посудинной, отчаянно нуждающейся хотя бы в косметическом ремонте, но все еще на ходу. По крайней мере, хозяин Амаду, сдавший им катер, заверил в надежности судна.

Мотор заглох, когда они уже проплыли устье реки, вышли в море и даже успели отплыть довольно далеко от берега. Ибра стал дергать всевозможные ручки и нажимать на кнопки. Потом начал энергично артикулировать, объясняя что-то Ассану. Ассан, все время лениво дремавший около мотора, по-

дошел к нему и тревожно дернулся. Проверил желтые пластиковые контейнеры для запасного топлива и с отчаянием пнул их ногой. Неожиданно пустые, они покатались с оглушительным грохотом. Ибра с Ассаном занервничали, громко переговаривались на родном волофе и были явно перепуганы.

— Что случилось?

Андрей подошел к ним, заглядывая через плечо Ассана.

— Сэр, ничего не понимаю. Топлива нет. Пустой бак.

— Как пустой? Разве вы не заполняли его перед отплытием?

— Заполняли, сэр. Я лично проверял. Поэтому ничего не понимаю.

Андрей нахмурился и отвернулся, чтобы Кристина не могла увидеть его лица. Пустой бак вдали от берега — хуже не придумаешь.

— Возможно, где-то утечка топлива, — предположил Ибра. — Но это уже у берега проверим. Здесь нырять опасно, видите, как волна идет, подводное течение здесь, и довольно сильное.

Кристина не заставила себя ждать. Мигом оглядела лица и нахмурилась.

— Что-то серьезное?

— Бак пустой. Думают, что утечка где-то, причина неизвестна, но бак пустой.

Андрей вытащил свой мобильный в слабой надежде, что поймает сигнал. Но связи не было.

— Наше радио должно работать. — Ассан снял микрофон с крючка и начал вызывать берег. Никто не отвечал, хотя они были на нужной волне и даже слышали голоса остальных. Но на их вызов никто не реагировал. Ассан постучал по микрофону, потряс радио, подергал контактный шнур и попробо-

вал вызов еще раз. Кристина переводила взгляд с Ассана на Ибру, но видела лишь отчаяние и растерянность.

— Но мы не можем сидеть и ждать, пока нас кто-то заметит! Надо что-то делать. Неужели на катере нет ни капли запасного топлива?

— Нет. Мы заполняли два контейнера. Вон они, оба пустые. Ничего не понимаю.

— Но этого не может быть! Если вы заполняли, они должны быть полными!

— Андрей, не кричи, — дернула его за рукав Кристина. — Что они могут сделать?

— Ну как можно так безответственно подходить к делу?

— Мы заполняли, — продолжал упрямо твердить Ассан. — Я точно знаю. Что-то случилось, сэр. Что-то случилось. Я не понимаю.

Пять дней их болтало по океану. Запасы воды закончились в первый же день. Оказалось, что на катере нет не только топлива, но и с водой полная напряженка. Сэндвичи из коробки со льдом, чипсы и пиво поделили между всеми и проглотили в один момент. К концу второго дня у всех потрескались губы от жажды, во рту поселилось мерзкое ощущение сухой липкости, и не было ни желания, ни сил двигаться. Никто не знал, как скоро их найдут и найдут ли вообще. Логично было предположить, что пропажу катера все же заметят на берегу и начнут поиски. Но с организацией поисковых работ дело обстояло отнюдь не блестяще, так что надежда на спасение хоть и была, но слабая. Сначала они сидели, прислонившись к борту, потом легли, совершенно обессиленные. Сознание путалось, они были в состоянии дремы и плохо ощущали реальность. Что случилось потом, никто не мог сказать точно. По-

мутнение рассудка захлестнуло всех четверых, обезвоживание свергло в глухую темноту.

Их нашли на пятый день благодаря усилиям их друзей из Центрального института медицинских исследований, сокращенно ЦИМИ. Те выпросили у начальства вертолет, предназначенный для поездок в проектные офисы в провинциях, и начали поиски. Обнаружили катер, отнесенный течением далеко от впадения реки в океан, но относительно близко к берегу. Тяжелые волны Атлантики не давали уплыть слишком далеко, приносили обратно. Андрея и Ассана нашли в тяжелом состоянии. Ибра и Кристина к тому времени уже были мертвы. Организм не справился с тяжелейшим обезвоживанием при сорокадвухградусной жаре.

Ассана и Андрея поместили в госпиталь ЦИМИ. Андрей восстанавливался дольше. Казалось, у него просто не было желания приходить в себя. Он не сопротивлялся, не искал силы выжить. Позже, придя в себя, он не мог объяснить, как именно ощутил, что Кристины больше нет. Витаая в неизвестном измерении, не имея никакой информации о смерти жены, он все же знал, что произошло. Он не помнил, каково это — дышать, не приходя в сознание, но хорошо помнил ощущение резкой, скручивающей боли и нежелание возвращаться туда, где ее больше нет.

Когда он смог принимать посетителей, привели Глеба. Хелен Пирсон, сотрудница Андрея, приютившая малыша на время болезни Андрея, не знала, что и сказать. Она оставила мальчика рядом с кроватью и отошла к окну. Глеб испуганно смотрел на отца, подавленный атмосферой госпиталя, мрачными лицами больных в палате и духотой.

— Ну как ты, малыш?

— Карашо.